Гость из Беларуси

Художник России. – 2002. – авг. (№ 16-17). – с. 4–5

Художник считается «состоявшимся», если он нашел свою тему. Только недавно выйдя из молодежного возраста, она смело заявила о пристрастиях и с упорством утверждает право своей темы существовать в искусстве. Уникальность ее мирочувствования не в особой любви к натюрморту, преобладающем в ее творчестве. Начав самостоятельное существование в XVII веке, этот жанр стал весьма популярным у большинства художников, создавших огромное количество его модификаций – от изысканных камерных работ «маленьких голландцев» до нарочито огрубленных большеформатных холстов периода «сурового стиля». Весьма любимы и нарядны натюрморты современных живописцев, изображающих изделия народных мастеров. Но все эти берестяные туеса, вышитые полотенца и столешницы, расписные ложки и доски, братины и ковши, может быть, и превосходящие мастерством, рядом с работами белорусского автора воспринимались бы подобно ряженым в эстрадном представлении рядом с трактористом или телятницей.

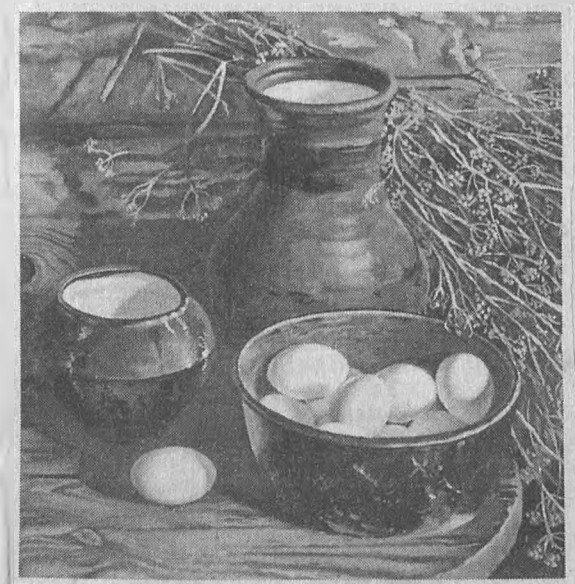
Журавович сделала главным объектом внимания малопривлекательную для сегодняшнего «цивилизованного» человека крестьянскую утварь, то прозаичное, что составляет его быт. Мерой понимания художником прекрасного является служба каждой вещи, обеспечивающей людям жизнь. В крестьянском хозяйстве нет лишнего, ненужного, оттого каждый предмет наделен особой значительностью, подробно и любовно воспроизведен, словно обласкан хозяйской рукой.

Для культур традиционных обществ характерно одухотворение вещей. Бережное отношение крестьян ко всякой утвари, видимо, сохраняется в генотипе до сих пор. Похожее восприятие можно проследить по многим работам. Журавович не любит многопредметных натюрмортов, подобных «Натюрморту с самоваром» И.Машкова; один-три, данные крупным планом, монументализируют композицию, позволяют не только сделать вещественно-доказательным каждый, но как бы воссоздать его «биографию». У старой кадушки для засолки огурцов утрачен, износился верхний обруч, и заботливые руки заменили его толстой медной проволокой, продлив службу нужной вещи; у гончарной крынки откололся край горловины, не отвернула Лариса Викторовна, не скрыла от зрителя изъян этого величавого, всегда восхищающего совершенством формы изделия. Довольно часто в небольшой набор предметов входит хлеб – не огромный пышный каравай с румяной корочкой, а «кирпич» или краюха уже подсохшая... Вот такой реализм у Журавович! Его можно было бы назвать «бескомпромиссным», если бы составляющим этого сурового взгляда не было чувство любви, согревающее каждую работу.

Если соединить вместе все наблюдения, полученные при знакомстве с выставкой; то напрашивается вывод: вся непарадность натуры, все «мелочи» и штрихи, подмеченные художником, это пристрастное повествование о труде. Труде тех, кто своими руками сотворил всю эту утварь, и тех, чей труд наполнил ее дарами, выращенными на земле. Труд и земля – два слова, которые вместе не встречаются уже много лет. Первое – просто исчезло из лексикона, второе – на просторах бывшей страны употребляется только в сочетании «купля-продажа»...

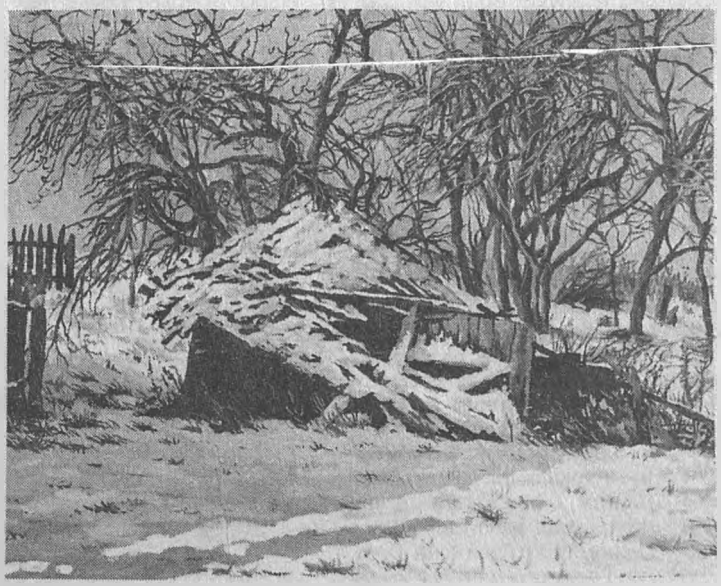
Лариса Викторовна Журавович в 1989 году закончила отделение графики Белорусского государственного театрально-художественного института, в 1991–1994 гг. училась в творческих академических мастерских Республики Беларусь. Школа – основа, фундамент, на котором художник (если он художник) всю жизнь строит здание своего искусства. Журавович ряд за рядом укладывает кирпичи в свое здание, от дипломного офорта она перешла к освоению цвета и далее, видимо, стены ее строения будут расти и крепчать. В этом процессе очень важно другое. Человек, формировавшийся в такое бурное, неустойчивое время, сумел не оторваться от корней, от своего народа. Представитель поколения, идущего на смену старым мастерам, наследует традиции служения искусства правде и жизни. Это вселяет надежду, что культуру страны не поглотят новые разрушительные веяния.

Ю.МИХАЙЛОВА.



Л.Журавович. Сельский натюрморт. 2001

Л.Журавович. Портрет мамы в синем. 2000



Л.Журавович. Зимний пейзаж. 2001